

7. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. Изд-во Московской патриархии, 2000. URL : <http://www.russian-orthodox-curch.org.ru>.

8. Пригорин А. Патриарх и политики // Вестник Русского христианского движения. 1991. №2(162) – 3(163).

9. Участие Русской Православной Церкви в посреднической миссии по преодолению политического кризиса в России : сб. Изд. ОВЦС Московского Патриархата. М., 1993.

10. Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях»// Религиозные объединения. Свобода совести и вероисповедания. Нормативные акты. Судебная практика. М., 2001.

State and church relations in modern Russia (issues and perspectives)

There are considered the relations of the Russian Orthodox Church and governmental authorities in the end of the 1980s – beginning of the XXI century.

Key words: *Russian Orthodox Church, state, confessions, renewal.*

Т.В. ВОРОБЬЕВА
(Юрга)

ПРОМЫШЛЕННОЕ ОСВОЕНИЕ КАК ОПРЕДЕЛЯЮЩИЙ ФАКТОР ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВА В КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX в.

Представлены особенности заселения Кемеровской области, этапы промышленного освоения и урбанизации как факторы, определившие дальнейшие процессы в сфере традиционной культуры: исчезновение социально-культурной среды функционирования традиционной культуры, синкретизм культурных традиций переселенцев и коренного населения.

Ключевые слова: *Кемеровская область, урбанизация, индустриализация, промышленный регион, традиционная культура.*

Кузбасс отличается тем, что является наиболее населенным, урбанизированным и промышленно развитым регионом. Для него характерен исключительно сложный этнический состав, обусловленный особенностями заселения края и специфически отражающийся на культурной сфере.

История Кузбасса как региона началась в послереволюционный период. Руководство страны в этот период планировало создать в Кузбассе вторую после Донбасса угольно-металлургическую базу. Идея В.И. Ленина о связи уральского металла и кузнецкого угля нашла воплощение в создании Урало-Кузнецкого комбината. На территории Кузбасса планировалось построить десятки шахт, заводов, фабрик. Реализация данного проекта предполагала наличие трудовых резервов, которых в области не хватало. В 1920-е гг. основным источником рабочего класса являлось сибирское крестьянство. Более 66 тыс. чел. выехало в то время из деревень на строительство промышленных объектов. Незначительное пополнение рабочего класса Кузбасса в эти годы происходило за счет организационного набора и партийно-комсомольского призыва. Однако для строительства шахт и заводов только в Кемерово необходимо было 180 тыс. рабочих, а в реальности насчитывалось лишь 30 тыс. чел. [3, с. 14].

Кадровую проблему руководство страны решило определенными методами, которые привели к тому, что в конце 1930-х гг. на территории Кузбасса проживало более 1 млн чел., тогда как в начале 1920-х гг. эта цифра составляла всего 200 тыс. Источником пополнения населения Кузбасса стал спецконтингент – раскулаченные, депортированные, осужденные по 58-й статье. Раскулаченных крестьян семьями (более 600 тыс. чел.) свозили в Кузбасс из соседних территорий – Алтая, Томской, Новосибирской и других областей.

Представителей депортированных народов (немцев, поляков, жителей Прибалтики) вывозили из европейской части России. Национальный состав Кузбасса пополнился в послевоенный период крымскими татарами, украинцами, народами Северного Кавказа, Прибалтийских государств. В большинстве своем после освобождения со спецпоселения эти люди оставались жить в Кузбассе (Там же, с. 15).

Сегодня Кемеровская область является самой урбанизированной в России: из 3 млн жителей 87% проживают в 20 городах и 29 поселках городского типа. Большая часть городов (11) основана в первой половине XX в. До 1900 г. на территории нынешней Кемеровской области было два города – Кузнецк и Мариинск. Административно они подчинялись Томской губернии, в которую входил Алтайский горный округ (1747–1917 гг.). Южная часть Кузбасса принадлежала ему. Казенные земли дол-

гое время оставались неприкосновенными для переселенцев и частных предпринимателей. Это обусловило более интенсивное развитие так называемых «свободных земель» северной части Кузбасса. Оттуда началось формирование городов, чему способствовало промышленное освоение Сибири, первым этапом которого стало строительство Великого Сибирского пути (1891–1903 гг.). Кузбассу железная дорога создала условия для расширения добычи полезных ископаемых, прежде всего каменного угля, открытого рудознатцем М. Волковым в 1721 г.

Само строительство Транссиба и его ответвлений стало вехой в экономическом и социальном развитии Сибири. Сотни тысяч рабочих не только прокладывали рельсы, но и строили предприятия, возводили новые поселки, которые со временем становились городами.

При сооружении Среднесибирского участка губернский город Томск остался в стороне. Чтобы обеспечить его выход на магистраль, решено было в первую очередь (1895 г.) построить ветку «от безымянного тогда зарождающегося населенного пункта» до Томска. Этим пунктом был будущий г. Тайга. В путеводителе по Сибирской железной дороге (1900 г.) сообщалось: «Ст. Тайга 3 класса... Заняв видное место среди станций Сибирской железной дороги как путь разветвления, она, несмотря на всю неприглядность и дикость окружающей природы, со скудными источниками водоснабжения, привлекла к себе массу населения, преимущественно из состава ссыльных... В настоящее время здесь считается свыше 5000 домов общего пользования, 386 дворов». В 1911 г. Тайга получила статус безузельного города [4, с. 13].

Железнодорожные узлы своим появлением г. Анжеро-Судженск. В 1897 г. около станции Судженка (поселок в 30 дворов, основанный ссыльными) были заложены старейшие угольные копи – Судженские, принадлежавшие петербургскому адвокату Л.А. Михельсону и «Лебединскому товариществу». В 1898 г. правление Сибирской железной дороги по совету геолога Яворского создало шахту у села Анжерка, затем еще несколько, вокруг шахт возникли поселки-«колонии». В начале XX в. на Анжерских коях было уже четыре «колонии» с казармами для одиночек и домиками семейных шахтеров и одна колония для администрации. После революции они объединились в Анжеро-Судженский угольный район. Принцип «шахта – поселок», «предприятие – поселок» лежит в основе формирования практически всех шахтерских го-

родов Кузбасса. К таковым сегодня можно отнести 16 из 20 городов. Первый опыт подобного основания населенных пунктов восходит к XVIII в. Будущие кузбасские города Салаир и Гурьевск своим рождением обязаны горнорудным предприятиям (1782 г., 1816 г.) Кольваново-Воскресенского горного округа. Данная практика продолжилась в XX в.

Следующим этапом в промышленном развитии Кузбасса стала деятельность акционерного общества «Кузнецкие каменноугольные копи» (Копикуз) (1912–1919 гг.), арендовавшего на 60 лет земли Алтайского горного округа для «организации добычи каменного угля», что включало строительство не только предприятий, но и подъездных путей, плотин и «всяких обзаведений». Развивалась угольная промышленность – были построены новые шахты на Кольчугинском и Кемеровском рудниках, развернуты работы на Прокопьевском, Осинниковском, Киселевском и Абашевском месторождениях. Сооружение Кемеровской железной дороги обеспечило выход на Транссибирскую магистраль и дало жизнь станции – будущему городу Топки.

На территории будущего города Кемерово не только появились новые шахты, но и в 1914 г. началось сооружение химического завода, вокруг которого сразу возник поселок. Дополнительную рабочую силу руководство завода получало из близлежащих деревень и села Усть-Искитимское (Щеглово).

Развитие промышленности сыграло свою роль в том, что 2 декабря 1917 г. на заседании Кузнецкого уездного земского собрания было принято решение о разделении уезда на два – Кузнецкий и Щегловский с преобразованием села Щегловского в уездный город Щегловск. 21 апреля 1918 г. Совет Народных Комиссаров утвердил это решение [5, с. 46].

Территория нового города ограничивалась одним селом, расположенным на левом берегу реки Томи, правобережная часть с шахтерскими поселками в состав города вошла только в конце 1920-х гг. И сразу же была сделана попытка кардинально решить вопросы градостроительства. Щегловская администрация объявила конкурс на разработку генерального плана застройки города. Исследователь истории архитектуры города Кемерово Ю.С. Зюзьков выявил, что из пяти представленных «одобрение получил проект томского городского архитектора П.А. Парамонова», второе место занял проект известного сибирского архитектора А.Д. Крячкова. Оба проекта были очень похожи и разработаны на основе идеи «города-сада», которую выдвинул англича-

нин Э. Говард и которая получила развитие в Европе и России. «Города-сады» должны были «образовать ожерелье малых городов вокруг крупного центрального города» [2, с. 73]. По замыслу архитекторов, это могло решить проблему обустройства населенных пунктов, создававшихся по принципу «предприятие – поселок».

Гражданская война прервала реализацию проектов, вернулись к ним только в 1921 г., но полностью они так и не были реализованы. Как писали в 1933 г. авторы нового генерального проекта Кемерово (в 1932 г. Щегловск переименован в город Кемерово), от парамоновского плана осталось лишь расположение улиц и площадей, находившихся между станцией и рекой Искитим. «Город-сад» в полном беспорядке наполнили одноэтажные частные застройки, обширные земельные участки использовались под огороды. Учреждения были также построены хаотично, без учета их дальнейшего использования. Дворец Труда (автор проекта – А.Д. Крячков) построили не на улице или площади, а в середине запланированного Парамоновым «зеленого кольца». В то же время окружную больницу возвели в районе правительственных учреждений.

Новый виток промышленного строительства связан с автономной индустриальной колонией «Кузбасс» (АИК «Кузбасс»), созданной в 1922 г. на территории будущего г. Кемерово. Более 500 иностранных рабочих, заключив договор с Советом Труда и Оборона, приехали сюда для строительства химического завода (начатого Копикузом) и новых шахт Кемеровского рудника. Надеясь обосноваться здесь надолго, в 1925 г. правление АИК пригласило голландского архитектора Ван Лохема, приверженца идей Э. Говарда. Вызванный специалист грамотно и профессионально спроектировал правобережную часть, отданную колонии. Однако проект не был реализован: в 1926 г. АИК «Кузбасс» ликвидировали.

Резкий толчок промышленного развития получил Кузбасс в годы первых пятилеток, особенно интенсивно преобразовывалась южная часть. Государственным планом (1920 г.) намечалось соединить уральскую руду и кузбасский уголь, чтобы создать мощную индустриальную базу на востоке страны. Задача градостроительства по решению жилищной проблемы отходила на второй план. Щегловск (Кемерово), как и весь Кузбасс, превратился в строительную площадку. В 1931 г. началось сооружение одной из крупных в стране Кемеровской ГРЭС, заложена вторая очередь коксохимзавода, начато строительство азотно-тукового за-

вода. И это при том, что социальные условия жизни были бедственными. Быстрый рост населения (1917 г. – 3906 чел., 1930 г. – 47396 чел.) привел к тому, что «по интенсивности роста среди 30 городов Сибирского края Щегловск оказался на втором месте, обогнав даже “Сибирское Чикаго” – Новосибирск» [1, с. 67].

С вводом в действие строившихся промышленных предприятий левого и правого берега города появилась жилищная проблема, а большой поток эвакуированных предприятий и людей в годы Великой Отечественной войны еще больше обострил ее. Только в конце 1950-х гг. кемеровские архитекторы приступили к разработке генерального плана города, в котором приоритет был отдан социальной сфере.

Старейший город Кузбасса Кузнецк еще в начале XX в. оставался провинциальным городком с патриархальным укладом. Индустриализация коснулась его в середине 1920-х гг., когда рядом, на Горбуновской площадке, решено было продолжить строительство металлургического завода. Кузнецкий металлургический комбинат стал градообразующим предприятием.

Строился новый социалистический город, и за три года (1926–1929 гг.) он был возведен. Выглядел он, как и все шахтерские города того периода: в центре – завод, а вокруг – несколько поселков, в которых большая часть людей жила в бараках. В 1929 г. он получил статус рабочего поселка под названием «Сад-город», а в 1931 г. ему был присвоен статус города и дано другое название – «Новокузнецк». В 1932 г. он был объединен с г. Кузнецком и переименован в город Сталинск, затем вновь стал Новокузнецком. Примечательно, что до недавнего времени датой образования города считался 1931 г. История Кузнецка, насчитывавшая несколько веков, не бралась во внимание. И только в последнее десятилетие к ней проявили интерес. Возможно, это связано с тем, что промышленный бум породил не только новый город, но и новое мышление. Множество людей приехало сюда, не зная истории этого места. Город-гигант изменил провинциальный уклад старожилов. Строились высотные дома, открывались вузы. В 1933 г. в Новокузнецке появился первый в области трамвай. Сегодня это самый крупный город Кемеровской области.

В 1931 г. статус города получили Анжеро-Судженск и Прокопьевск, где было открыто несколько шахт и одна из них – крупнейшая в мире – «Коксовая». В 1936 г. статус города получил Киселевск, в 1938 г. – Гурьевск, Осинники и Белово, где был образован крупнейший в стране цинковый завод.

Итак, всего за годы первых пятилеток появилось 11 городов, а во вновь образованной Кемеровской области к 1943 г. городское население составляло 60%.

Литература

1. Берлинтейгер Б.И. Проект социалистического Щегловска «С максимально возможным обобществлением быта» (1931) // Балибаловские чтения : материалы науч.-практ. конф., посвящ. 80-летию гор. статуса города. Кемерово, 1998.
2. Зюзьков Ю. С. Индустриальный Щегловск – «Город-сад» // Вестн. Кузбас. гос. техн. ун-та. 2001. № 5.
3. Многонациональный Кузбасс. Кемерово, 2003.
4. Привалихин В.П. Тайга 100 лет. Томск, 1996.
5. Усков И.Ю. Кемерово: формирование территории и населения областного центра. Кемерово, 2001.

Industrial development as the determinative factor of town building in the Kemerovo region in the first half of the XX century

There are considered the peculiarities of settlement of the Kemerovo region, stages of the industrial development and urbanization as the factors that determined further processes in the sphere of traditional culture: disappearance of the social and cultural environment of traditional culture functioning, syncretism of cultural traditions of migrants and the native population.

Key words: *the Kemerovo region, urbanization, industrialization, industrial region, traditional culture.*

Е.В. СТЕЛЬНИК
(Волгоград)

ХАРОС В ВИЗАНТИЙСКОМ «НАРОДНОМ ПРАВОСЛАВИИ»

Ставится вопрос о синтезе византийских фольклорных представлений и средневековых православных концепций, уточняются термин «народное православие». При этом обосновывается корректность использования новогреческого фольклора для воссоздания византийских ментальных реалий.

Ключевые слова: *Харос, смерть, византийский фольклор, «народное православие».*

Харос как проблема. Образ Хароса является ярким феноменом византийской народной культуры. Этот образ смерти, выступающий результатом сложной эволюции представлений об античном Хароне, позволяет нам

рассмотреть византийское фольклорное мировоззрение непосредственно и во всей его полноте. Не случайно в западноевропейской фольклористике XIX в. именно присутствие образа Хароса стало залогом народности новогреческой песни, ее «неиспорченности» литературной обработкой и редакцией [2, р. 60]. В этом контексте Харос стал примером выражения «непосредственной народной фантазии» [18, с. 26], типичным «вульгаризмом» [12, S. 90], отражением наивных представлений, привлекающим исследователей своей «естественностью» и определенной экстравагантностью или своеобразным метаболизмом древнегреческих образов [11, р. 90].

Во многом Харос – это образ, в котором выражаются и аккумулируются ключевые византийские фольклорные представления о смерти и основные «концепции» загробной жизни. Харос в этом смысле – важнейший образ византийского фольклора, персонаж целого цикла новогреческих песен (Carmina Charoneia). В определенной степени, он даже формирует сам характер народных песен.

Термин «народное православие». Византийские верования в Хароса и подобных ему «народных» персонажей иного мира настолько устойчивы, что возможно говорить о существовании своеобразной византийской «народной религии». Сам термин «народная религия» («народное православие») требует своего уточнения. Он проблематичен [8, р. 4], т.к. предполагает наличие «ненародного» православия [5, р. 96]. В этом смысле уточнения требует уже термин «народ». В данном контексте под народом принято понимать широкие малообразованные, часто крестьянские, слои византийского общества. Так, Х.Г. Бек говорит о «народе» как некоем слое (layer), который в силу происхождения, профессии и образования оказывается далеким от богословия [3, S. 10]. К. Хартнуп проводит четкую черту между официальным православием образованной элиты или духовенства и «православием» крестьянских приходов, хотя и признает, что такое деление условно [8, р. 5]. У П. Бурке, наоборот, именно низшие необразованные слои являются носителями «традиционной массовой культуры» [4, р. 8], оппозирующей культуре официальной. Однозначное представление по этому вопросу в историографии отсутствует.

Византийское «народное православие» объединяло в себе неприемлемые для официальной Церкви представления, которые зача-